

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (СТ. 189.1. УПК РФ): УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2023 М.Е. Кочнев¹, Л.А. Шестакова²

^{1,2} Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, Россия

² Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», Россия

Статья посвящена анализу уголовно-процессуального и криминалистического аспектов использования системы видео-конференц-связи в современном уголовном процессе России. В рамках настоящей статьи рассмотрена практика применения технологий видео-конференц-связи в досудебном производстве по УПК РФ и сформулированы предложения для их перспективного развития.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, доказывание, цифровизация, видео-конференц-связь.

В настоящее время для человечества стало нормой совершать какие-либо привычные бытовые действия с использованием цифровых технологий. В условиях всеобщей цифровизации общественных отношений, вовлекающей в сферу своего воздействия все большее число субъектов из различных сфер жизнедеятельности, происходит преобразование и трансформация различных институтов права. Уголовное судопроизводство России также преобразуется в условиях цифровизации.

Начальный опыт использования прототипных систем соединения между двумя абонентами на расстоянии приходится на 1930 и 1931 гг. XX столетия, а дальнейшие попытки обновления системы были предприняты в 1956 г. Тогда разработчики представили усовершенствованную версию системы, хотя и не сопоставимую по качеству изображения с тем, что мы представляем как «видеозвонок» сегодня, однако соединение и картинка были стабильны.

Средства коммуникации, напоминающие современные системы видео-конференц-связи (далее – ВКС), были внедрены к 70-годам XX века [3].

Для нужд судебных органов такая система была впервые применена именно в Российской Федерации, опыт которой является передовым в данной сфере. Видео-конференция использовалась и до этого,

однако только для связи заключенных со своими родственниками либо защитником, а первый случай подключения во время судебного заседания – 1999 год, город Челябинск (линия Челябинский областной суд – Челябинский следственный изолятор). Далее, уже в 2000 году, эту практику на вооружение принял Верховный Суд Российской Федерации и провел свое первое заседание в формате видео-конференц-связи. С середины первого десятилетия XXI века начинается активный процесс внедрения системы телекоммуникаций в большинство судов областного уровня. Исторический пик, обусловленный вынужденной необходимостью использования технологий удаленной связи, пришелся на второе десятилетие XX века, когда наступили небезызвестные события, связанные с пандемией COVID-19. Именно в этот момент Верховный Суд настоятельно рекомендовал всем судам, имеющим техническую возможность, проводить заседания в онлайн формате. 21 апреля 2020 г. прошло первое заседание Верховного Суда в режиме онлайн.

Накануне Вологодский областной суд удовлетворил ходатайство потерпевшего, находящегося на самоизоляции, об участии в судебном заседании посредством WhatsApp [2]. Это был передовой опыт.

Примером углубления процессов цифровизации уголовного процесса является ст. 189.1. УПК РФ «Особенности проведе-

ния допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», которая распространила возможности использования ВКС на досудебное производство.

Из названия данной статьи следует, что законодатель переводит эту норму в категорию вспомогательных, то есть поясняющих, каким образом должно производиться следственное действие в определенных условиях, в данном случае – в условиях использования системы видео-конференц-связи.

Далее законодатель ограничивает число следственных мероприятий, которые могут проводиться с использованием систем видео-конференц-связи, а именно разрешено проведение допроса, очной ставки, опознания. Таким образом, мы понимаем, что проведение другого следственного действия, например, того же следственного эксперимента, следователю недоступно, в связи с чем его действия строго ограничены.

При проведении допроса, очной ставки и опознания следователю необходимо соблюсти все необходимые предписания уголовно-процессуального закона, предусмотренные нормами, регулирующими проведение конкретных следственных действий, а также общие правила проведения следственных действий вне зависимости от их вида.

Расширение возможностей применения ВКС на досудебное производство следует оценить положительно. Обсуждаемые положения закона направлены на упрощение производства следственных действий, сокращение процессуальных сроков, а также на уменьшение финансовых и временных затрат участников уголовного процесса, так как последним не придется преодолевать значительные расстояния для участия в следственных действиях. Если важный свидетель проживает в другом городе или из-за полученных травм не может покинуть пределы города, или есть сложности с транспортом, применение в ходе следственного действия ВКС способно решить эту проблему. Кроме того, расходы, связанные с командировкой следователя в другой населенный пункт, могут быть зна-

чительными или не будут оплачены в связи с их израсходованием. При применении в ходе следственного действия ВКС следователем будет проведено следственное действие в установленные процессуальные сроки, свидетель будет допрошен в благоприятных для него условиях, а государство не будет вынуждено нести командировочные расходы. Перспективным направлением расширения возможности использования ВКС следует также признать проведение следственных действий в отношении лиц, находящихся за рубежом.

Однако использование системы ВКС может нарушать ряд прав участников процесса, в частности право на защиту. Свидетель, подозреваемый и обвиняемый имеют право на присутствие защитника при проведении следственных действий, защитник имеет право присутствовать при проведении следственных действий с участием своего доверителя.

Встает закономерный вопрос: каким образом должно быть урегулировано участие защитника при проведении допроса с использованием ВКС?

Необходимость в использовании ВКС возникает тогда, когда участник процесса не имеет физической возможности в реальном времени находиться в месте проведения следственного действия, в связи с чем применяется ВКС. С одной точки зрения, это крайне удобное средство, с другой – возникают вопросы: с какой стороны экрана будет присутствовать защитник и какому следователю должен ходатайствовать подозреваемый (обвиняемый)? Тому, который находится «со стороны экрана» участника, либо же тому, кто проводит допрос, то есть находится «по ту сторону экрана»? Тем более, как исключить злоупотребления со стороны следователя, который может инициировать приглашение «своего» защитника, в интересах которого не будет защита обвиняемого с другой стороны ВКС, а лишь выполнение «разового следственного поручения»?

Подобная дискуссия присутствует в научной среде, и поэтому использование данных процедур в настоящий момент является довольно спорным, поскольку от-

существует достаточный объем нормативной базы по этому вопросу [5].

Некоторые авторы высказывают свою позицию против использования «сложных процедур», которые только нагружают следствие. Так, профессор Л.В. Головкич считает, что куда легче осуществить доставку допрашиваемого лица к следователю, требующему проведения допроса, нежели добавлять следственному действию еще один элемент – второго следователя, организующего присутствие допрашиваемого лица. В связи с этим он предлагает не усложнять процедуру дополнительными людскими и технологическими ресурсами, а обратиться к классическому процессуальному поручению. Следователь-поручитель, исходя из потребностей расследуемого дела, излагает его содержание и формулирует вопросы таким образом, чтобы следователь-исполнитель, руководствуясь данным поручением, получил наиболее точные и детальные показания, предполагая, будто бы данное дело находится в производстве самого следователя-исполнителя [6].

Помимо проблем процессуального характера, существуют также особенности, связанные с криминалистическим аспектом деятельности следователя.

Наиболее важным элементом такого следственного действия, как допрос, является тесный психологический контакт между допрашивающим и допрашиваемым, установление которого всецело возложено на следователя, поскольку выбор тактики проведения допроса так или иначе опосредован различными приемами и способами, с целью получения наиболее достоверных показаний. Однако каким бы тактическим приемом не воспользовался следователь (и вне зависимости от того, какую роль следователь выполняет), отсутствие психологического контакта обрекает следователя на получение недостоверных или неточных (а то и на отсутствие вовсе) показаний допрашиваемого.

В связи с этим вопросом Е.Ю. Андреева высказывает позицию, которая отражает реально существующий дисбаланс во владении техническими и технологическими инструментами, с помощью которых и

производится процедура ВКС. Если возникает ситуация, при которой следователь не в состоянии самостоятельно произвести дистанционный допрос, то в таком случае возникает закономерная необходимость прибегнуть к помощи другого следователя либо специалиста, при помощи которого будет налажена техническая возможность проведения следственного действия дистанционно. Из этого и возникает проблема методологического характера, исключающая «приватность» допроса, выраженная в нарушении построения психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом [1].

Помимо вопроса установления психологического контакта и выбора тактики проведения допроса в «нормальных» условиях, может также существовать ситуация конфликта между следователем и допрашиваемым, что приводит к выбору новых тактик и методик, при этом не нарушая стремления к достижению предполагаемой цели допроса.

Благодаря применению различных комбинаций, способов и приемов даже в конфликтной ситуации следователь может добиться получения определенной информации, которая не ограничивается одними лишь показаниями допрашиваемого. Одним из видов такой информации может являться поведение и естественные реакции допрашиваемого лица.

В условиях непосредственного «живого» допроса следователь может отслеживать реакции допрашиваемого лица на заданные вопросы и представленные ему доказательства, что помогает сформировать у следователя представление о психоэмоциональном отношении лица к делу, находящемуся в производстве [4].

Что же касается дистанционного допроса, то здесь следователь лишается возможности непосредственного наблюдения за реакциями лица, а также возможности своевременно и эффективно изменить применяемую в следственном действии тактику, которая соответствовала бы обстоятельствам сложившейся обстановки.

Конечно, в криминалистике существует психофизиологическая экспертиза, при помощи которой можно изучить поведен-

ческие реакции человека и прийти к заключению о том, говорит ли лицо правду либо же о чем-то намеренно умалчивает, однако криминалистическим сообществом данная экспертиза признается как «ненаучная» и малоэффективная. Оценка видеозаписи допроса, проводимого через видеоконференцию, не может отражать действительности, поскольку эксперт или следователь не осведомлены о постоянных поведенческих особенностях лица или же о его прошлом, которое может также вызывать реакцию на происходящее.

Таким образом, в настоящее время мы можем говорить о том, что ни с процессуальной, ни с криминалистической точки зрения не разрешены проблемы, касающиеся всестороннего исследования получаемого в ходе следственного действия с использованием ВКС доказательства, поскольку добывается такое доказательство либо с нарушением (процессуальные проблемы, например, гарантия права на защиту, о которой мы говорили выше), либо с потенциальным искажением действительности в процессе получения данной информации (проблемы криминалистического характера).

М.А. Юркевич в своей диссертации справедливо отмечает, что решение всех вопросов, которые связаны с использованием ВКС, ложится в плоскость усмотрения правоприменителя, поскольку УПК РФ не содержит нормы, регулирующие подобные процедуры в совокупности, а закрепляет лишь отдельные механизмы применения этой новой технологии [7]. Не ясно, к какому институту уголовного процесса относятся такие механизмы, поскольку в случае ст. 189.1. УПК РФ следователь может как руководствоваться общими началами проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания, так и создавать «подстраховочный» мате-

риал для своих целей (речь о том же праве на защиту).

В законе или межведомственном подзаконном акте также необходимо урегулировать вопрос о том, в каком формате сохранять результаты следственных действий, произведенных с использованием ВКС, в целях соблюдения единообразия уголовного судопроизводства. Без четко регламентированных инструкций должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, будут сохранять результаты в значительном количестве существующих на сегодняшний день видов файлов. В связи с этим считаем возможным изложить часть 4 ст. 189.1 УПК РФ в следующей редакции: «Применение видеозаписи в ходе следственных действий, предусмотренных настоящей статьей, обязательно. Материалы видеозаписи сохраняются в любом доступном для воспроизведения формате, после чего приобщаются к протоколу соответствующего следственного действия». Вместе с тем, чтобы не «перегружать» УПК РФ слишком подробным описанием конкретных действий должностных лиц правоохранительных органов, полагаем целесообразным издание межведомственного приказа, в котором были бы даны понятные, логичные и непротиворечивые указания по производству следственных действий с использованием ВКС.

Таким образом, рассмотрев различные аспекты использования системы ВКС в современном уголовном процессе России, авторы пришли к выводу о том, что законодатель вводит норму ст. 189.1 УПК РФ, исключительно отдавая честь тенденциозным настроениям на цифровизацию всего, что можно цифровизовать, так как норма не доработана, хотя законодатель преследовал действительно благую цель – оптимизировать процесс расследования по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Е.Ю. Анализ и перспективы следственных действий онлайн в стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования: сборник статей Международной научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 32-36.
2. Диденко Н.С., Федосеева Е.Л. Отдельные вопросы применения видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве // Юрист-Правоведь. 2020. № 3 (94). С. 95-97.

3. Краткая история видеосвязи: от зарождения до полноценного коммерческого использования. URL: <https://vc.ru/flood/41013-kratkaya-istoriya-videosvyazi-ot-zarozhdeniya-dopolnocennogo-kommercheskogo-ispolzovaniya>.
4. Некоторые аспекты проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи // Технологии XXI в. в юриспруденции: материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург) / Отв. редактор Д.А. Бактеев. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, 2022. С. 121-128.
5. Овчинникова О.В. Перспективы применения ведео-конференц-связи при производстве дознания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С.30.
6. Пандемию нельзя предусмотреть в какой-то главе УПК (интервью Л.В. Головки) // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 24-33.
7. Юркевич М.А. Применение судом видеотехнологий в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Юркевич. М., 2021. 31 с.

**THE USING A VIDEOCONFERENCING SYSTEM IN THE PROCESS
OF INVESTIGATIVE ACTIONS: CRIMINAL PROCESS
AND CRIMINALISTICS ASPECTS**

© 2023 Mikhail E. Kochnev¹, Lyubov A. Shestakova²

^{1,2} Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Russia

² Samara University of Public Administration "International Market Institute", Russia

The article is devoted to the analysis of the criminal procedural and forensic aspects of the use of a video conferencing system in modern criminal proceedings in Russia. The authors have considered the practice of using video conferencing technologies in pre-trial proceedings under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation within the framework of this article and have formulated some proposals for their future development.

Keywords: criminal process, investigative actions, evidence, digitalization, video conferencing.